

ций.¹⁸ Однако, как известно, Ломоносов из стихотворных произведений относил к «высокому штилю» только героические поэмы, оды и театральные представления, «где потребно изобразить геройство и высокие мысли»; к «среднему штилю» он причислял стихотворные дружеские послания, сатиры, эпиграммы, элегии и «все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия»; к «низкому штилю» — комедии, увеселительные эпиграммы, песни.¹⁹ Между тем запрещение рифмы заударных *a: o* и других подобных имело в русской поэзии XVIII в. универсальный характер, т. е. распространялось, как было показано выше, на все жанры, высокие, средние и низкие. Трудно предположить, что эклоги, идиллии или песни Сумарокова или басни Крылова (либо баснописцев XVIII в.), соблюдающие эту норму, декламировались по «орфоэпическим принципам» «высокого штиля». Тем более это относится к Жуковскому, Батюшкову, Пушкину, Баратынскому в созданном ими жанре интимной лирики, бесконечно далеком от высокой ораторской декламации старой оды. У этих поэтов начала XIX в. Б. В. Томашевский усматривал «традицию» рифмы, «установившейся в XVIII веке».²⁰ Однако на чем могла держаться в то время эта традиция, как не на нормах написания?

Можно высказать предположение, что торжественные оды декламировались в XVIII в. с ориентацией на «высокий» (церковный по своему происхождению) стиль произношения, хотя об этом, по-видимому, нет никаких прямых свидетельств.²¹ Два примера, которые привел В. В. Виноградов²² и вслед за ним Б. В. Томашевский,²³ носят малоубедительный, скорее анекдотический характер.

В одном случае речь идет о рассказе М. Макарова, который в своих записках о знакомстве с А. С. Пушкиным рассказывает, как «некто NN прочел детский катрен поэта и прочел по-своему, как заметили тогда, по образцу высокой речи на о».²⁴ Однако по характеру этого рассказа можно заключить, что катрен, прочитанный «по-своему», был замечен присутствующими именно потому, что подобное чтение было для современников Пушкина чем-то скорее необычным и неожиданным.

¹⁸ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е, М., 1938, стр. 100—103.

¹⁹ М. В. Ломоносов. О пользе книг церковных. — Полн. собр. соч., т. 7, Изд. АН СССР, М—Л., 1952, стр. 589.

²⁰ Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 101.

²¹ О приемах «актерского произношения» см.: П. Н. Берков. О языке русской комедии XVIII века. — «Известия» АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. 1, 1949, стр. 36—37.

²² См.: В. В. Виноградов. Очерки, стр. 102.

²³ См.: Б. В. Томашевский. Стих и язык, стр. 78—79.

²⁴ «Современник», т. XXIX, 1843.